

В ЗАБОЕ.

Рис. худ. Ф. Мальцева.

Шахтерская память

БАЛЛАДА

Черен уголь Сучана, а ночи черней.
Десятнадцатый год. Нет в поселке огней.
Днем не слышно ни песен, ни смеха
девушек.

В переулках чужие солдаты гуляют.

А в Сучанской долине бушует весна.
И парнишку, кто шуршал сидел у окна,
Потянуло туда, на весенний простор,
Где веселые птицы вели разговор.
Он корабль искусно себе мастерит.
Ветер белегу прядку волос шевелит.
От причала корабль отправляется в путь,
Он скользит по ручью, колыхаясь

чуть-чуть.
Но тяжелой ботинок его растоптал.

Бего-то потный, высокий над мальчигом
встал.

Рослый янки с вонючей сигарой своей,
Подбоченясь, с умешкой промолвил:
«О кай!»

У шахтерского сына сухие глаза,
Не смочила ресницы обилью слез.
Он сурово смотрел, как заморский
капрал.

Погрозив кулаком ему, прочь зашагал.
Черен уголь Сучана, а ночи черней.
Не слышат здесь гармония, не видно
огней.

Янки ночью осенней в поселок пришел.
Завзятли шахтера, с собой увезли.
Сын шахтерский в негуде сидел
в уголке.

Близко синяя жилка на детском виске.
Видел он, как высокий заморский
капрал

За спиной отпа крепко руки связал.
...Тридцать лет по земле прошагали
с тех пор.

Ие вернулся домой из застенка шахтер.

Где убит, похоронен? — не знают
друзья.
Сын не знает, а звучит не знаю и я.

Где оно, продолжение баллады моей?...
Далеко от родимых лесов и полей,
На чужой стороне, где у стен городка
Катит воды свищовые Эльба-река.
Здесь служил в гарнизоне сучанский
шахтер.

Уходил он привычно с друзьями в дозор.
Много раз на досуге смотрел старшина,
Как волну нагоняет на Эльбе волна.
Бак на том берегу жил другой городок.
Виден он хорошо — плес реки

не широк, —
Горожанки спешат в магазини с утра,
Пробегает шумливая гурьбой детвора.

А по улице янки на «виллис» мчат.
Вот один из них вскинул к плечу
автомат,

И рассыпавшись в стороны, пули боясь,
Дети, женщины, папа в липкую грязь.
Гранят выстрел оттуда, и следом —
другой...

Мрачной жизнью живет городок
за работой.

Стиснув зубы, не раз старшина
вспоминал.

Палача, что в Сучане отпа растерял.
Свежим утром выходит из дому шахтер.
Как хорош ты, весенний сучанский
простор!

Сопки синей громадой встали вали.
Ветят теплые ветры, сады расцвели.
Он солдатской походкой на шахту идет.
Не забыт грозовой девятнадцатый год.
Не забыты у Эльбы чужие края.
У шахтера хороша память, друзья!
С. ТЕЛЬКАНОВ.

Литературная группа на селе

В селе Барабаш организовалась литературная группа. Недавно члены группы обсуждали сборник стихов приморского поэта А. Дрякокурета «Миру быть на земле». Начинаясь поэт, рабочий лесхоза тов. Лепехин отметил высокую идейность стихов А. Дрякокурета, воспевавших боевую славу советских людей.

К. Шепетков ознакомился на вопросе образности разбираемых стихов и привел в пример ряд ярких, свежих образов, найденных поэтом. А. Зотов отметил, как недостатком сборника, отсутствие в нем стихов о сегодняшнем дне, о трудовой героине настоящего.

Стихи о труде

С. ПОСНИЧЕНКО

Электросварщик

На шахтный двор с бригадой он приходит.
Включил рубильник, ваял шпатов,
и вот —
Расплавленный металл у электрода
Волной тяжелой медленно встает.
Легко искрится в отблесках зеленых,
Потом — минуты три прошло едва —
Боснулася грани балки многогранной,
Застыла на ней яркой полоской шва.
Железный лист на перекрытых
сварен!

Копра отделка будет хороша, —
Он встанет здесь! — и улыбулся
парень, —

Вот здесь — прямой, как русская дубина,
На нем звезда, как солнце,
залучится!.. —

И вновь гудит струною каждый лист,
В руке трепещет, бьется как
жар-птица,

Крыло летящих над землей искр.
Склонился каждый над железом низко.
Бригада знает, что на много лет
Копер их встанет стройным облеском
Великой стройки, радостных побед.

Заливщик кокса

Кокс вывалил. Он медленно, неловко
Попадает по плитам огненным в дымку,
А паренек в брезентовой спешковке
На планта бьет ведром по нему.
И кокс становится голубоватым,
Еще немного — и уже блестящий
Разливка красок летнего зыблата,
Затем — настало полночи темней.
А паренек идет широким шагом
Б другой плечи. А рядом заборают
— Чудесный конек! И нем никак нормы
выдала.

Заливка эта лучше, чем вчера.
Вторая, третья выдала... И снова
Клинт, плита, колесная вода.
И вижу я из города родного
На запад уходит звезда...

«Звезда» — выдала сказку Николай Петрович. Снова на плитах, при чем здесь «фантузия».

пути: «Моя, наша женщина, Старый Фунтун фантузия!»

ей. Но Николай Петрович коротко сказало: — Пойдем прямо на шахту. У востановки, в которой она падонная